

Вместо предисловия: Ельцин и Петр Великий?

Ельцин и Петр Великий. Конечно, ошеломляющая параллель. Разумеется, только в том случае, если считать Петра I одним из величайших правителей. (Как это делает, например, *Выбор России* (самая близкая к президенту партия Гайдара). Ведь и на предвыборной эмблеме президентской партии изображен Петр I на вздыбленном коне и девиз партии: Свобода, Собственность, Законность). В действительности же однако... Но прежде несколько слов о Ельцине. Мы имеем дело с партийным функционером, который, пройдя свой собственный «путь в Дамаск», наносит последний удар и Советскому Союзу и своей партии. Его столь резкий и внезапный поворот, конечно, вопрос не морали, а чистого прагматизма. Цель оправдывает. А цели его благородны, стоит только посмотреть: независимость народов СССР, единая Россия, рыночная экономика, демократия, благосостояние людей. Подведем итоги осуществления всего этого на 11 октября 1993 года: большинство независимых республик только и дожидается того, чтобы вновь стать частью большего единства, старый принцип «разделяй и властвуй!» привел к кровопролитным войнам в разных концах бывшего Союза, Российская Федерация распадается, курс форинта к рублю составляет 1 к 12, единственный институт демократии расстрелян...

Расхождение между целями и средствами их осуществления, а также между целями и тем, что получилось в результате их осуществления, в историческом смысле достаточная основа для сопоставления двух столь далеких эпох и двух исторических личностей.

В Венгрии малоизвестно, что по отношению к Петру I только благосклонная память потомков и еще реально-политичес-

кое западное общественное мнение были снисходительны, а современные ему соотечественники — за исключением, разумеется, его фаворитов — с редким единодушием ненавидели его и боялись. В народе о нем говорили, что он сам Антихрист, или по крайней мере, лжецарь, а настоящего царя подменили во время его поездки на Запад и посадили в бочку, и теперь его, их истинного царя, благодаря ухищрениям Занада, будет носить по волнам Атлантического океана до скончания времен. Да что же другого могли сказать о нем нищие мужики, если за время его правления крестьянские повинности были увеличены в три раза, рекрутская повинность стала пожизненной, и к концу его славного царствования каждый четвертый, пятый русский погиб ради превращения России в европейскую державу.

Сегодняшние прекраснородушные демократы склонны проявлять удивительную широту взглядов в отношении человеческих жертв давнего прошлого. Часто говорится в качестве аргумента, что эти страшные жертвы были вынужденной необходимостью в деле «модернизации» России. Попробуем и мы сейчас в порядке исключения отвлечься от того неприятного вопроса, может ли античеловечный режим быть прогрессивным, и рассмотрим другой вопрос: достиг ли Петр I своей цели? С сожалением мы вынуждены констатировать, что нет, не достиг, поскольку и не мог ее достичь.

Он, так сказать, стремился «европеизировать», «модернизировать» Россию. Из этого вышло то, что Россия стала великой европейской державой. Посредством сохранения в европейском раннем периоде нового времени структуры позднего феодализма, иногда посредством чисто азиатских методов: принижением свободно продаваемых-покупаемых крепостных до положения рабов, превращением в слуг знати, среднего сословия и церкви. Он внедрил мануфактуры — на основе принудительного труда. Создал цехи — в приказном порядке. Специальный указ предписывал даже присутствие на ассамблеях и вменял в обязанность светским дамам пить водку. Его интересовала любая западная диковинка. Петр способен был в Голландии на верфях собственноручно обучиться мастер-

ству плотника, он мог часами рассматривать хитроумное устройство английских часов (в то время как из парламента он удался, проведя там всего несколько минут), он сумел превратить болотистый Петербург во вторую Венецию. Император неумоимо заботился о «лучшей» жизни для своих подданных, нимало не смущаясь тем, что большая их часть тем временем уходила в лучший мир. Петр, проявляя крайнюю нетерпимость и не щадя никого, в том числе и себя, одним махом хотел изменить своих подданных, ничуть не заботясь о том, что те вовсе не хотят изменяться. Одно лишь было свято и нерушимо для него: величие России. И он глубоко верил в то, что величие это покоится на неограниченной власти правителя. Один из парадоксов русского развития: это никогда не оспаривали даже его противники.

Минуют столетия, сменяются поколения, но главная проблема остается неизменной. И сегодняшние русские конфликты следует рассматривать с точки зрения «величия России». Имперские устремления Советского Союза и бюрократический эгалитаризм, приведшие в 80-е годы к застою, повергли русскую нацию, основавшую советскую империю, в глубокий кризис. На повестку дня выступили следующие задачи: переосмысление национального сознания, обретение вновь самоидентичности, объединение распыленных ресурсов. Это, с одной стороны, повлекло за собой освобождение от имперских тягот и забот, а с другой — отказ от коммунистической идеологии. Однако национальная идеология скорее только на уровне лозунгов смогла сменить коммунистическую. Ибо в России национальная идеология традиционно связана с православием и русским мессианизмом и не имеет гражданского характера. Между тем «православно-советская» уравниловка ни в коей мере не пригодна для идеологической легитимации рыночной экономики. Таким образом путаница в сознании людей, если только это возможно, еще больше усилилась, поскольку к 1993 году анархичные рыночные отношения, характерные для периода раннего капитализма, лишили российских граждан не только относительной уверенности в существовании, но и коммунистической идеи, проповедующей иллюзию всеобщества равенства.

В этой ситуации русская история предлагает только один уже известный идеологический рецепт: веру в доброго царя и его неограниченную власть.

Это осознал Ельцин, осознала армия, осознал Запад, не осознали этого только некоторые «консерваторы», которые продолжали настаивать на демократических правилах игры. Здесь настал черед сказать несколько слов о правых и левых, консервативных и демократических, реакционных и прогрессивных оппозиционных партиях. Эти понятия — что неустанно можно и нужно подчеркивать — означают в России совсем другое, нежели у нас. По-венгерски просто не имеют смысла такие словосочетания, как «демократический путч», «диктатор-демократ». Но этим я отнюдь не хочу сказать, что и в России они абсолютно лишены смысла.

Русской истории традиционно присущ изменяющийся в зависимости от исторических условий абсолютизм. Если поколебать абсолютизм, то пошатнется и вся страна. Исчезнет объединяющая сила, империя развалится, оказавшись беспомощными, люди тут же отыщут нового вождя-чудотворца, который создаст им порядок и безопасность. Сегодня в России царит хаос, страна распадается, граждане ее утрачивают последние надежды. Необходим новый лидер, и личность его должна быть бесспорной. Ельцин или Руцкой? — так стоял вопрос, и «народная легитимация» — парадоксальным образом вследствие подавление произошедшего два года назад путча — есть только у Ельцина. Оставим сейчас вопрос о том, почему понадобилось больше двух лет, чтобы Россия опять вошла в свою «нормальную» колею. Не будем обсуждать и то, что, возможно, Дюла Тюрмер был единственным венгерским политиком, который понял — и был настолько непредусмотрителен, что и высказал в своем ставшем пресловутым заявлении, — что залогом жизненно необходимой как для России, так и для Запада стабилизации является поворот к партии сильной руки. Даже если он и представлял себе этот поворот несколько иным.

Абсолютизм, разумеется, можно любить, а можно и не любить. Можно лицемерно проливать слезы над демократией и

тем временем поддерживать диктатуру. Нельзя одного: ждать от России используемых на Западе исторических понятий. Нужно четко понимать, что это другой путь исторического развития. Раз и навсегда следует покончить с заблуждением, что западные принципы и институты могут развиваться на русской почве естественным путем. Единство и разнообразие исторического развития может «осуществляться» посредством связанности этих двух регионов. Россия и Запад находятся и находились в рефлексивных отношениях друг с другом.

И здесь сопоставление Ельцина и Петра I правомочно. Оба они типично русские, оба стараются повернуть Россию к *западным образцам*, и тот и другой сверху, насильственно хотят ввести, насадить капитализм, понимая, что сам по себе, без вмешательства правителя, он едва ли может победить. По приказу, однако, нельзя сделать нацию буржуазной. Поэтому исторический эксперимент Петра I потерпел неудачу, но зато усиление империи — хотя и ценой страшных жертв — было достигнуто. Ельцин взялся за нечто подобное — мы с сомнением ждем результата.

Василий Ключевский, известный русский историк, еще в прошлом столетии сказал, что основным противоречием российской истории является обратная пропорциональность между интересами империи и ее подданных, следовательно: чем лучше для империи, тем хуже для ее подданных... Однако следует признать, что если нам нужно выбирать между деспотизмом и просвещенным абсолютизмом (как средствами квази-модернизации), мы без колебаний выберем последний... В крайнем случае подозревая при этом, что на эту роль скорее подошел бы Горбачев, зная в то же время, что Ельцин лучше, чем Руцкой. Давайте же болеть за то, чтобы Россия совладала с этим нынешним вариантом «смутного времени», однако не будем смешивать преодоление анархии с демократией, и не устанем просить Бога о том, чтобы эта стабилизация империи не удалась слишком хорошо.